

МАКСИМ ГАУСС



МАЙОР

18+

Максим Гаусс

Майор. Назад в СССР.

Часть 2. Книга 17

<https://litres.ru/74402339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выполнение боевого задания оборвало мою жизнь. Долгая и насыщенная служба офицера спецназа, полная взлетов и падений закончена. Однако судьба распорядилась иначе и дала мне второй шанс.

СССР, Весна 1989 года. Советский Союз крепнет на мировой арене. Ход истории уже изменен. Но каждое измененное событие порождает новые, порой неожиданные. Теперь, по воле судьбы, Максиму Громову предстоит пройти через начало конфликта в Приднестровье. Никто не говорил, что будет просто...

Содержание

Глава 1. Пункт назначения	4
Глава 2. Не отступать и не сдаваться!	19
Глава 3. Метод исключения	34
Глава 4. Звено в цепи	49
Г	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Майор. Назад в СССР.

Часть 2. Книга 17

Глава 1. Пункт назначения

[Первый том тут.](#)

Риск был очевиден. Последствия — тоже. Доверять Володе весьма сомнительно, но разве у меня был выбор?

— Согласен, — уверенно сказал я. — Ты поможешь мне с перелетом, доставишь в Берген. А я помогу тебе с оформлением нужных документов. Через моего начальника в Москве. У него есть такие возможности, но как ты понимаешь, это не так просто и не сразу. Сначала мне нужно вернуться обратно.

Володя усмехнулся, сплюнул в сторону. Скривился в ухмылке, затем медленно протянул мне ладонь.

— Смотри, капитан. Если обманешь — я тебя и в Норвегии найду.

— Ты не о том думаешь. Сосредоточься на том, чтобы долго не копать и вылететь вовремя. Посмотрим, какой ты специалист.

— А ты, я смотрю, за словом в карман не лезешь, да? Это хорошо! Тогда по рукам!

Мы пожали руки. Ладонь у него была жесткая, сухая.

Сильная. Он сжал мою ладонь так, что у другого хрустнули бы суставы, но не у меня. Знал я, как нужно держать руку в таких ситуациях. А силы у меня было предостаточно.

— Готовь самолет, — сказал я. — Мне нужно позвонить в Москву. Телефон есть?

— Телефон в главном здании, — он кивнул в сторону открытой двери в ангар. — Вроде бы межгород тоже работает, но это старая информация. На месте разберешься. Время у тебя есть. Да, кстати...

Он заглянул в салон самолета, вытащил оттуда шоколадку в красной обёртке. Повертел в руках и протянул мне.

— Это тебе валюта. Сладкая. Для того чтобы телефон работал.

Намек был предельно понятен. Шоколад предназначался для лиц женского пола, отвечающих за работоспособность средства связи.

Я двинулся в указанном направлении. Пересек разгрузочную площадку, затем вторую. Вошел в здание, с помощью удостоверения прошел без проблем. Отыскал телефон на втором этаже, как я и предполагал, у женщин. Задобрить их шоколадкой было несложно. Мне даже выделили отдельное крошечное помещение.

Оставшись в тишине, я снял трубку и быстро набрал номер генерал-майора Хорева. Соединяли неестественно долго, минуту точно. Я слушал гудки и смотрел на свои ботинки, запачканные маслом. По-хорошему, одежду нужно было бы

сменить — мой потрепанный полярный комбинезон, местами даже в порезах и пятнах грязи — не самая лучшая одежда, особенно для того, чтобы лететь в ней в другую страну. Думаю, у Володи на этот счет что-нибудь найдется.

— Громов? — голос Хорева был взволнованным. — Докладывай.

— Товарищ генерал, я нашел способ добраться до Норвегии. Это вроде как... частный самолет. Отлет через час.

— Это как? — Хорев помолчал пару секунд. — Контрабандисты, что ли?

Как все это выглядело для него — понятно. Чем дальше, тем больше нарушений. Наверняка он уже начал жалеть о том, что дал мне добро. Так-то этим делом могло заняться КГБ, а не я. Но тут уже было личное — мне нужно было понять, на кой черт я сдался Беркутову? Почему я? Зачем? Какова причина?

— Вроде того... пилот бывший военный, ветеран Афганистана. Ему нужна помощь с документами. Я обещал содействие через вас.

— Не нравится мне все это, Максим! Это рискованно! Очень рискованно, и к тому же необоснованно! Да и хрен с этим Беркутовым, пусть бежит! Свидетели есть, материалы тоже. Если Беркутова возьмут норвежцы — ты тоже под ударом. Понимаешь? Дипломатического прикрытия у тебя нет и я ничем не смогу тебе помочь. Меня просто не поймут, если я подниму этот вопрос на верхушке.

— Я понимаю, товарищ генерал. Но прошу заметить, все мои операции всегда рискованные. Вы же знаете. Афганистан, Пакистан, Сирия. Вспомните, куда только не заносила меня судьба!

— Знаю. Ты мой лучший человек, без сомнений. Потому и даю добро. Будь это кто другой, я бы не согласился на такую авантюру. Но, Громов... — тут он выдержал паузу. — Если что-то пойдет не так — ты там сам по себе. Нелегал. Тебя никто не знает. Ты понял, что я хочу до тебя донести?

— Понял, товарищ генерал.

— Хорошо. И еще...

— Слушаю.

— Береги себя. Я прекрасно понимаю — то, что произошло в Арктике, заставило тебя идти дальше. Раз так, значит, на то есть веская причина. А ты мне нужен живым и здоровым. Не геройствуй без нужды.

— Принято к исполнению.

Я повесил трубку. Рука дрожала — от напряжения, от усталости и, наверное, еще потому, что мне не терпелось поскорее взяться за дело и довести его до конца. Я торопливо вернулся в ангар. Володя уже заканчивал загрузку и предполетную подготовку.

— Через пятнадцать минут вылетаем. Добро?

Я кивнул.

— Принеси-ка вон ту канистру. Ага, эту. Блестящую.

Я подал ему канистру с маслом. Он залил, вытер руки ве-

тошью. Запустил двигатель — тот взревел, ангар наполнился грохотом. Я сел в правое кресло, пристегнулся. Володя занял место пилота, надел наушники и знаками показал, чтобы я сделал то же самое. Затем связался с диспетчером — последовал малопонятный для меня диалог.

Получив разрешение, он начал выруливать. Самолет уверенно выкатился из ангара, покатился по расчищенной от снега полосе. В свете фар мелькнул какой-то забор, потом деревья. Какие-то небольшие постройки.

— Взлетаем. Держись.

Моторы взревели, самолет рванулся вперед, оторвался от земли. Меня вжало в кресло. Я глядел, как оставшиеся справа огни Архангельска постепенно тают внизу, постепенно пропадая из вида.

Мы летели на запад. Первый час сидели молча. Мерно гудел двигатель, стрелки приборов дрожали. Я смотрел на разложенную карту — скоро должна была начаться граница с Финляндией.

— Слушай, а как ты там сказал твоя фамилия? Громов?
— вдруг спросил Володя. Голос его звучал в наушниках.

— Да. А что?

— Тот самый? Который Калугина? Ну, того!

— Слышал о таком?

Он усмехнулся — резко, с вызовом.

— А я-то думал, ты постарше будешь. И выше ростом. Раздули легенду, только каждый раз кто-то все больше при-

украшивает эту историю.

— Не в росте дело, — сказал я, чувствуя, как внутри появляются первые признаки раздражения. Тот факт, что он решил меня задеть, я почувствовал сразу. — И не в возрасте.

— А в чем?

— В поступках. В ответственности. В том, как ты выполняешь свою работу.

Он помолчал, потом спросил с издевкой:

— А много ты ли заданий выполнил, капитан? На опытного воина ты не сильно похож. Пиджак, с удачей, а? Или тебя просто везде носит, как щепку по течению?

Я медленно повернул к нему голову, посмотрел прямо в глаза. На лице у него застыла легкая ухмылка.

— Достаточно. Достаточно для того, чтобы ты сейчас вез меня в Норвегию, а не сидел в каком-нибудь КПЗ. Контрабанда, она ведь такая. Сообщить куда нужно — несложно. Ну, думаю, ты понимаешь. А вообще, смотри на приборы, и не рассуждай о том, что тебя никак не касается. Ясно?

Он стиснул зубы, перестал ухмыляться. Отвернулся.

Я видел, как напряглись его плечи, как побелели костяшки на штурвале. На несколько минут в кабине повисла тяжелая, мрачная тишина.

Мы пролетели границу через час. Внизу проплыл поселок, потом снова лес. Огни — редкие, тусклые.

— Финляндия, — сказал Володя, уже спокойнее. — Через два часа будем в Рованиеми.

Я молча кивнул.

Он снова заговорил, наверное, скучно стало. На этот раз без издевки, скорее, задумчиво.

— Знаешь, капитан, я ведь не всегда был контрабандистом. Летал на Ми-24 в Афгане. Три года. Вывозил раненых, прикрывал колонны, ходил на штурмовки. Под Мазари-Шарифом в восемьдесят втором меня сбили — еле дополз до своих. В госпитале три месяца провалялся.

— Многие летали. Многие воевали.

— Не многие видели то, что видел я, — голос его стал тише. — У летчиков — отдельная песня. Однажды мы везли груз. Закрытые ящики, охрана, сопровождение — целая спецгруппа. Мне сказали — не смотреть, не спрашивать. Но один ящик вскрылся при посадке. Тряхнуло сильно. И я увидел...

Он замолчал. Пауза затянулась.

— Что увидел?

— Да-а, так... неважно. Важно, что после этого меня хотели убрать со службы. Ну и убрали. С военной карьерой было покончено, не прошло и двух месяцев. Гражданская авиация — тоже недолго. Слишком много вопросов задавал, слишком много спорил с начальством. Вот и стал тем, кем стал.

— И теперь хочешь в Норвегию?

— Хочу покоя. И чтобы жена была рядом. Там у нее родня. Примут без проблем.

Я не ответил. Чужую боль трогать не стоит. Тем более,

когда у самого внутри все кипит. Да и меня это никак не касалось.

В Ровании мы сели через два часа. Посадка была мягкой — Володя умел сажать свою машину так, чтобы вопросов не возникало. Полевой аэродром, подсветка — пара прожекторов, вышка.

— Заправка, — сказал он. — И дальше.

К самолету подъехала машина с цистерной — старый «Форд», скрипучий, с проржавевшими боками. Двое финнов в комбинезонах начали заправку. Я сидел в кабине, смотрел на них.

Вдруг к машине подошел третий — в штатском, с кожаным планшетом в руках, в длинном пальто. Он что-то сказал заправщикам, те отошли. Финн направился к самолету.

— Проверка, — тихо сказал Володя, заметив его появление. — Ничего, бывает. Сиди молча. Все решим.

Человек поднялся по трапу, постучал в дверь кабины. Володя открыл.

— Документы, — сказал финн по-английски. — Проверка!

Поднявшись с места пилота, Володя вышел к нему. Прикрыл дверь. Минуты три они беседовали. Спокойно, без криков.

Затем он вернулся один. Финн покинул самолет.

— Пронесло. Бывало и хуже.

— Что бывает?

— А сам-то как думаешь? Арестовывают. Штрафуют. Самолет отбирают. Поэтому я и хочу уйти. Надоело бегать.

Мы взлетели через полчаса.

До Бергена летели еще три часа. Погода была хорошая, без турбулентности. Луна светила сквозь облака, реки внизу блестели.

— Ты это, извини меня за резкость. Я когда тебя цеплять начал... ну, в общем, у меня это как-то само по себе получается. В качестве компенсации, возьми! — сказал Володя, протягивая мне тонкую пачку норвежских крон. — Пятьсот. На такси. Ну и перекусить.

Это было неожиданно. Но крайне полезно. Ведь о деньгах я не позаботился.

— Спасибо.

— Не за что. Вижу, что дело у тебя серьезное.

При подлете к Бергену Володя постепенно начал снижаться.

— Это запасной аэродром, — сказал он. — Частный. У норвежцев тут свои правила.

Как же мне это было знакомо. Из моей прошлой жизни.

Далее последовала двусторонняя связь на норвежском. Володя знал его достаточно хорошо.

Самолет пошел на посадку. Я уже видел огни полосы, но когда до земли оставалось метров двадцать, что-то щелкнуло в двигателе. Тяга резко упала. Самолет вздрогнул, зарыскал

в воздухе.

— Черт! — резко крикнул Володя, хватаясь за штурвал.

Он пытался удержать машину, дал газ, но двигатель почему-то не справлялся. Стрелка тахометра падала, вибрация нарастала.

— Не дотянем до полосы! — прорычал тот. На лбу выступили капельки пота.

— Что нужно делать?

— Держись!

Он направил самолет в поле — туда, где за огнями аэропорта чернела пустота. Перед нами мелькнула сухая трава, потом сильный удар, затем целая серия толчков. Сильный скрип и треск. Почти сразу последовал сильный удар, от которого я ударился головой о боковое стекло и, кажется, лишился сознания.

Очнулся я от боли в плече. В кабине было темно, пахло бензином и гарью. Ремни врезались в грудь. Я отстегнулся, толкнул дверь локтем — она поддалась с трудом.

— Живой? — громко спросил Володя откуда-то из салона. Голос его дрожал.

— Живой. Ты как?

— Цел. Вылезай.

Мы выбрались из пострадавшего самолета. Поле было пустынным, вдалеке горели огни аэропорта. Сзади, из леса, тянуло сыростью. Самолет лежал, накренившись на бок, шасси повреждено.

— Все, дальше я сам. Раз так получилось, то лучше лишний раз не светиться. Иди к шоссе, сразу за аэропортом! — сказал Володя. — Там поймаешь машину. Ну, разберешься, как-нибудь. Только удостоверением лишний раз не свети! А то будут проблемы! Я останусь тут. Встречу норвежцев. Скажу, что был отказ двигателя. Меня не тронут.

Я кивнул, пожал ему руку.

— Спасибо, Володя.

— Не за что. Иди, капитан. Удачи тебе. Еще увидимся!

Я торопливо пошел к шоссе, пригибаясь, стараясь не шуметь. Переодеться мне не удалось, на мне по-прежнему был все тот же полярный комбинезон. Пока темно — нормально, сойдет.

Трава была сухой, колючей, хрустела под ногами. Снега было мало, да и тот старый. Через десять минут я вышел на дорогу. Аэропорт оказался справа от меня. Двинулся к нему.

Машины проезжали редко. Я стоял на обочине, подняв руку. Ветер дул в лицо, ледяной, с моря. Наконец остановился старенький «Мерседес» серого цвета. Это не таксист, скорее, попутка. Нормально, сойдет.

— Берген? — спросил я водителя, показывая пальцем на развернутую карту.

— Яа, — с акцентом ответил он. — Русский? Садись.

Я сел. Хорошо, что вообще остановился. Мы тронулись с места.

Норвегия в декабре встретила меня серым небом и мок-

рым снегом. Дорога петляла между скалами и фьордами. Внизу, в долинах, горели огни домов. Чайки кричали над обрывами — дико, надрывно. Фьорды частично стояли в тумане, скалы обрывались в темную, почти черную воду. Казалось, если водитель на резком повороте не справится с управлением, то мы упадем в бездну.

Водитель почти все время молчал. То ли ему было все равно, то ли ждал, пока я первым начну беседу. А может, у них тут так принято. Я как-то в Норвегии раньше не бывал, обычаев не знаю. Молча смотрел в окно и думал о том, где искать Беркутова, если его не окажется на явочной квартире. И о том, что я с ним сделаю, когда найду. С предателями разговор короткий. Но он непременно нужен.

Через часа два мы въехали в Фёрде.

Я попросил остановить машину. Кое-как расплатился с водителем, вышел. Нашел другое такси — желтое, с шашкой как у нас, с сигаретной вонью в салоне.

— Хафстадвеген сто четырнадцать, — сказал я по-английски.

Таксист кивнул.

Выехали. Дома стояли скученно, улицы в ночное время были пустыни. Хафстадвеген оказался окраинной улицей с частными домами — деревянными, аккуратными, с палисадниками и покосившимися заборами.

— Останови здесь, — сказал я таксисту, когда мы подъехали к дому 114.

Расплатился, вышел.

Дом был двухэтажным, с темной черепицей и палисадником. Окна не горели. Но дверь была приоткрыта сантиметров на пять.

Я достал пистолет — тот самый «Макаров», который еще в бункере на острове Рудольфа отобрал у Саблина. Патронов — восемь. Проверил предохранитель. Сердце колотилось, но руки не дрожали.

Толкнул дверь.

Внутри пахло пылью, холодом и кофе. На вешалке висело пальто — дорогое, темно-синее.

Я прошел в гостиную. Пусто. На столе — пустая пепельница, чашка с остатками кофе. На кухне — бутылка коньяка, наполовину пустая, и один бокал.

На лестнице что-то скрипнуло.

Я замер, прижался к стене. Пистолет — на изготовку. Сердце билось так, что, казалось, его слышно во всем доме.

Шаг. Второй.

Я поднялся на второй этаж. В конце коридора горел свет — тусклый, желтый, из-под двери.

Толкнул дверь ногой.

Беркутов сидел в кресле, спиной ко мне. Перед ним стоял столик, на столике — бутылка коньяка, два бокала. Один — пустой, другой — наполовину полный.

— Входи, Громов, — сказал он, чуть повернув голову. Голос его был спокойным, усталым. — Я знал, что ты появишься.

ся! Чувствовал!

Я поднял пистолет, нацелился ему в затылок. Медленно вошел в комнату.

— Почему не ушел? — спросил я. — У тебя было много времени. В возможностях ты не ограничен. Почему?

— А! Не было смысла, — он повернулся, и я увидел его лицо — усталое, с мешками под глазами, с сединой в волосах, которой раньше не замечал. — Прототипа нет. Свинцов, раз уж ты здесь, попросту сдал меня. Да? КГБ скоро будет наступать на пятки. Американцы бросили. Мне некуда бежать, несмотря на все, что у меня есть. Я хотя и влиятельный человек, но далеко не Калугин. Своей виллы в Португалии у меня нет.

— И что, ты решил сдаться?

— Нет. Не решил. А вот сначала поговорить с тобой стоит. Садись.

Я не сел. Пистолет держал наготове, палец на спусковом крючке.

— Говори!

— Твой отец... — Беркутов взял бокал, отпил коньяк. Я видел, как дрогнула его рука. — Сейчас он был единственным, кто не боялся ситуации, в которой оказался. Не боялся меня. Я уважал его.

— Это я уже знаю. Ты мне другое расскажи.

— Слушай... ты ведь не знаешь главного, — он поставил бокал, посмотрел мне в глаза. — Я хотел не просто уничто-

жить тебя. Я хотел заставить его выйти из тени. Чтобы он увидел, как его сын умирает.

— Зачем? Что я тебе сделал?

— Ты? — яростно взвился он, посмотрев на меня злым взглядом. — Ты убил моего сына!

Глава 2. Не отступать и не сдаваться!

Слова Беркутова меня ошеломили. Что тут добавишь?

Более того, такого обвинения я совершенно не ожидал. Конечно, я допускал мысль, что за все время службы в разведке я где-то затронул его интересы. Хорошо затронул. Но чтобы так...

Тем не менее, я не дрогнул и вообще никак не показал, что его слова меня как-то зацепили. Пистолет по-прежнему смотрел ему в голову, палец был на спусковом крючке.

Я смотрел на этого человека и не понимал его.

— Твоего сына? — переспросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри шла борьба с самим собой. — У тебя есть сын?

— Был, — горько усмехнулся он. Отпил ещё коньяка из стакана, скривился. Снова посмотрел на меня хмурым взглядом. Глаза его блестели, что плохо вязалось с реальностью. — Был, пока ты его не прикончил. В Пакистане. В том самом лагере смерти, где готовили душманов. Ты его убил. Его и американского военного советника, Вильямса!

Мне даже память напрягать не пришлось, все мгновенно встало на свои места.

Пакистан. Лагерь смерти. Больше года назад. Тогда я слу-

чайно оказался в горах Пакистана, где советских военнопленных, вопреки всем правилам, использовали как кукол. На них испытывали оружие, средства защиты, вели охоту стрелки. Но чаще всего кукол использовали для поединков, либо друг с другом, либо против прибывших наемников. Там же я случайно встретил пропавшего без вести больше полугода назад где-то в горах Афганистана майора КГБ по фамилии Кикоть.

Это была серьезная тренировочная база, естественно под патронажем ЦРУ, где усердно готовили диверсантов и бойцов для самых разных задач. Там же был и мой злейший враг — Джон Вильямс. Судьба не раз сводила нас вместе, но в тот раз мне пришлось поставить точку. Я ликвидировал и его, и бывшего бойца группы «Зет» прапорщика Иванова с позывным Урду. Это что же, выходит, он и есть сын Беркутова? Или я не туда подумал?

— Иванов? — напрямую спросил я у Беркутова. — Урду?! Да ну, как это так? У тебя же другая фамилия. Не может быть... ты что, запихнул своего сына туда, где мы чуть ли не каждую неделю лезли под пули моджахедов? Группа «Зет» всегда получала самые сложные боевые задачи. Что-то не верится, что ты мог позволить своему сыну в таком подразделении.

— Ты забрал у меня единственного сына! Разве я должен тебе что-то доказывать? — он кивнул на стол. — Возьми фото, если ты так ничего и не понял.

Я не стал опускать пистолет — Беркутов хотя и не выглядел опасным в данный момент, кто знает, что в его голове?!

Быстро приняв решение, сделав шаг к столу, я взял оттуда сложенную пополам фотографию. Развернув ее в вытянутой руке, я тут же убедился в своей же догадке.

Да, это прапорщик Иванов. Тот самый Урду. Боец, что проливал с нами пот и кровь, а потом неожиданно переметнулся на сторону врага. Сначала к продажному генералу КГБ Калугину под крыло, а затем и к американцу Вильямсу. Ну, с таким папашей как Беркутов, это неудивительно. Не удивлюсь, если он и руководил такими перемещениями. Какой отец, такой и сын. Однако здесь он был моложе, гладко выбритый и с другой стрижкой.

Одного я не понимал: как Урду вообще попал в «Зет», учитывая столь высокий риск? Что это за странная инициатива?

Я снова взглянул на фото.

Точно, Урду. С короткой стрижкой, с автоматом Калашникова, в советской «Афганке», жилете-разгрузке. Фотография тех лет, когда Иванов ещё был своим, возможно, до того, как нас собрал воедино майор Игнатьев. Если, конечно, он вообще когда-либо был своим.

Снимок явно был сделан где-то в горах — на заднем плане большие армейские палатки, пыльная бронетехника, бараки. И все же я узнал эти глаза — холодные, дерзкие. У него всегда было такое выражение лица, будто ему в нос постоянно

лезет тонкий, но вместе с тем мерзкий неприятный запах. Если бы кто-то увидел его в первый раз, он был бы того же мнения.

— Моя фамилия по матери, — глава НИИ «Гроза» чуть усмехнулся, но в этой горькой усмешке не было веселья. Только боль и сдерживаемая ненависть. — Беркутов — это рабочая фамилия. Псевдоним. Для прикрытия. КГБ это знает и не возражало. А по отцу Урду — Иванов. Я походатайствовал, чтобы он пошел в армию, в штаб САВО, но ему там было тесно. Затем он втайне от меня перешёл в разведку, почти сразу попав в группу «Зет». К НИИ, которым я руководил, он не имел никакого отношения, хотя я уговаривал. Но у него были свои планы... и все у него было хорошо, пока не появился ты!

— Да, я его хорошо помню, — сказал я, чувствуя, как внутри медленно закипает злость. — Он пробыл в группе недолго. После очередного задания он куда-то пропал, а потом выяснилось, что он ушел к Калугину. Я уже тогда знал, что ничем хорошим эта история не закончится. Урду стал предателем, ничем не лучше тех, против кого же сам и боролся. Впрочем, его служба с нами — это все сплошная показуха. Но дальше ещё интереснее, он продался американцам. Полагаю, по твоей наводке?

— Он стал тем, кем хотел стать, — голос Беркутова сорвался на хрип, потом снова окреп. — Он так же, как и я, считал, что нынешний СССР скоро развалится. Что дальше

нужно что-то менять в самом руководстве, ориентироваться на развитую Америку. Союз застрял в шестидесятих годах, в то время как остальной мир развивался. Сын разделял мою точку зрения, тоже хотел быть на правильной стороне истории. А потом ты его застрелил. Вместе с Джоном Вильямсом. В том проклятом лагере, в пакистанских горах...

В голове вставала картина той операции. Ночь, шумиха, бегство на пикапах, автоматные очереди. Я его пристрелил прямо там, в штабе. Он был опасен, непредсказуем. Общеизвестный факт — предатели долго не живут. И я несколько не жалею о содеянном.

— Он был вооружен, — сказал я. — Я — нет. Он выбрал свою судьбу.

— Какая разница? — Беркутов дернулся, едва не опрокинув столик ногой. Коньяк разлился по полу, бокал звякнул о бутылку. — Он был моим сыном! Единственным! И ты его забрал!

Я не двинулся. Мой пистолет по-прежнему смотрел ему в грудь. Палец на спуске.

— Теперь понимаешь? — он тяжело дышал, взгляд его стал другим. Глаза теперь горели бешенством. — Ты, Громов, наверное, задаешься вопросом, зачем я притащил тебя в Арктику? Нет, просто убить тебя было бы слишком просто. Я хотел уничтожить твою репутацию, показать, что даже такой герой, как ты, с наградами и благодарностями может сломаться. Я хотел сделать так, чтобы твои же коллеги от-

вернулись от тебя. Чтобы на службе тебя списали как отработанный материал. Чтобы стыдились. Для всех ты стал бы сумасшедшим, который своими руками расстрелял не только спасательную экспедицию, но и тех ученых и инженеров, что были на острове Рудольфа. Я хотел, чтобы ты мучился каждый день. И расчет был верным, если бы не эти дураки — Осипов и Бауманов... Они не смогли довести дело до конца, сломались раньше!

— Ясно. Дерьмовый план. А что касается твоего сына, то ничего удивительного, что он закончил как собака. Черт, даже собаку оскорблять не хочется, поскольку это преданное животное. Он сам выбрал свою судьбу, — заявил я. — Как и ты. Думаешь, ты сможешь сбежать в Америку?

— Молчи! — он замахал руками, словно отгонял мух, которых тут не было и быть не могло, учитывая время года.

— Я знаю, что такое война, — ответил я. — И знаю, что предателей не жалеют. Никогда.

Беркутов вдруг успокоился. Причем как-то слишком быстро. Сел обратно в кресло, положил руки на подлокотники. Дыхание его выровнялось. Он смотрел на меня спокойно, почти равнодушно.

— Да, в этом ты прав, — сказал он тихо, глядя перед собой в пустоту. — Предателей не жалеют. Поэтому я и решил действовать иначе. Я не стал тебя убивать сразу. Помнишь ту историю с упавшим спутником? Скандал в штабе, когда якобы данные попали к американцам? Это я организовал. Через

подставных лиц. И то время, после ликвидации Калугина в Португалии — по моей наводке тебя начали проверять. Ты ведь так и не понял, почему тебя сняли с должности начальника Спектра, да? А Сирия? Думаешь, откуда ЦРУ получало информацию о тебе?

— Вот, значит, кто дергал за ниточки, да? А что же сам Калугин? — спросил я. — Ты был в его окружении?

— Был, — не стал отрицать Беркутов. — Мы вместе начинали. Он курировал многие вопросы, особенно в первые годы. Но потом наши пути разошлись. Он хотел денег и власти. А деньги — просто инструмент.

Кое-какие мысли пришли в голову — достаточно было сопоставить пару фактов.

— История с Бен Ладеном? В Пакистане?

— Тоже я, — он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то мерзкое. — Через связи в Генштабе. Я стоял за тем, чтобы тебя отстранили от командования «Спектром». Вернули в кресло обычного аналитика. Чтобы ты гнил в кабинете, пока другие двигаются дальше.

— А кто сказал, что я там гнил? — парировал я. — Наоборот, ты оказал мне услугу. Если бы ты был чуть внимательнее, ты бы понял, что я не хочу больше лезть под пули!

— Знаю, — согласился он. — Ты почти добился этого, а потом вновь появился Хорев и дал тебе шанс вернуться в строй. Арктика, экспедиция, «Объект 82». Я подсуетился, сделал так, чтобы выбрали именно тебя. Это было непросто,

пришлось импровизировать, действовать из-под тени. Я полагал, что оттуда ты уже не вернёшься. Но ты вернулся.

— Я всегда ломаю планы тех, кто неровно дышит мне в затылок. Нюх у меня на предателей, а уж на таких, как ты, особенно. Наверное, судьба у меня такая. Ваш телохранитель — майор Горин — мёртв. Зря ты его в эту историю впутал. Свинцов теперь в КГБ, дает показания. Бауманов и Осипов — мертвы. Кравченко — мелкая пешка, но и у него есть информация. Мой отец имеет достаточно сведений, чтобы предъявить тебе целый букет обвинений. Козырев, тот техник, с острова Рудольфа тоже готов говорить. А сложи все это воедино, получится общая картина. Твоя позиция шатается, вот-вот обвалится. После всего, что ты сделал, уже не отмоешься. Ты один!

— Да, один, — он как-то странно кивнул. Повисла короткая пауза. — Но не безоружен.

Он резко выбросил руку вперёд — в ней блеснул пистолет. Необычный, со странными изгибами. Это же «Вальтер». Он целился мне в живот. Палец был на спуске. Я не успел среагировать так, как нужно, поскольку тому все же удалось усыпить мою бдительность. Словесная перепалка, которую он затянул, спутала мои планы, а полупьяное поведение Беркутова только укрепило мое восприятие, что он не представляет опасности. К тому же, ничего не выдавало в нем того факта, что он вооружен.

— Ну что, Громов. Не ожидал? — уже другим голосом

произнес он. Теперь в нем не было ни намека на алкогольное опьянение. Он же при мне выпил грамм двести коньяка!

Внизу, у входной двери, слышались шаги. Тяжёлые, уверенные. Я замер, прислушался. Кажется, их там двое. Я услышал, как снаружи к дому подъехала машина, скрипнули тормоза.

— Это моя охрана, — пояснил Беркутов, не отводя взгляда. — Профессионалы. Те, что любят деньги. Наверное, задаёшься вопросом: почему я не опьянел от выпитого коньяка? Это яблочный сок! Ха! Все, Громов! Тебя убьют здесь, и никто никогда не узнает, что стало с капитаном Громовым. Даже Хорев не найдёт твоего тела. Это Норвегия, а не Советский Союз. Тут другие правила, другие законы.

— Ты слишком много говоришь!

— И что с того? Знаешь, сначала я очень хотел уничтожить твою репутацию, а только потом тебя самого. Но и так тоже сойдет. А уж легенду с доказательствами я организую, с этим у меня проблем нет и не будет. Ты что же думаешь, можешь со мной тягаться на равных?

Я ухмыльнулся. Ответ был очевиден.

— Ты думаешь, я пришёл один? — без тени сомнения заявил я, глядя ему прямо в глаза. — За этим домом следят, а Хорев знает, куда я отправился. Знает, где ты находишься! Меньше чем через час, здесь будут люди из КГБ. Внешняя разведка. Думаешь, ты сможешь сбежать? Думаешь, у тебя все схвачено? А вот и нет!

— Ты врёшь, — он покачал головой, но я заметил, как дрогнул его взгляд. — Ты всегда работал один. Я знаю, ведь я много раз читал твое личное дело. Это и есть твоя слабость. Ты не доверяешь никому, кроме себя, на этом тебя можно легко поймать!

Шаги приближались к лестнице. Я услышал скрип половиц, приглушённые голоса.

— Скоро ты умрёшь, Громов, — сказал Беркутов, поднимаясь с кресла.

— Увидим, — ответил я.

Я резко ушёл вправо, за кресло. Раздался выстрел.

Пуля Беркутова прошла в нескольких сантиметре от моего плеча — я почувствовал теплую волну воздуха. Второй выстрел. Пуля ударила в стену. Крошки штукатурки брызнули во все стороны. Я выстрелил в ответ — дважды, почти не целясь. Он пригнулся, упал за столик, закрывая голову руками.

— Заходите! — заорал он тем, кто был на первом этаже — Он здесь! В комнате!

Дверь в комнату распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Первый телохранитель — здоровенный, в кожаном пальто, с автоматом в руках — влетел внутрь, скидывая оружие. Я без раздумий вскинул руку и выстрелил трижды — в грудь, в горло, в голову. Он рухнул, не успев выжать спуск. Тело мешком осело на пол, автомат выпал, застучал по паркету.

Второй — пониже, коренастый, с пистолетом — отпрыгнул в коридор, начал стрелять вслепую, поливая пространство очередями. Одна из пуль расщепила деревянный дверной косяк, другая рикошетила от стены, выбив кусок штукатурки. Я перекатился к выходу, выстрелил из-за угла — одна пуля задела его плечо. Он вскрикнул, отшатнулся, прижался к стене.

Снова нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Только сухой щелчок. Патроны закончились, а другого оружия, кроме пистолета Макарова, у меня не было. Не было времени обзавестись боезапасом. Я считал, что это и не понадобится. Более того, я был даже удивлен, когда столкнулся с Беркутовым в том доме. Он хотел поймать меня на живца, где наживкой был он сам. Смело. Безрассудно. Но ведь он своего добился.

Я сунул ставший бесполезным пистолет в карман — бросать его здесь нельзя. Потом непременно будут проблемы — уж Беркутов постарается сделать так, чтобы меня здесь объявили в розыск. Языка я не знаю, денег мало. Документы не подходят для того, чтобы светить их направо и налево.

Беркутов выстрелил снова — пуля просвистела у самого уха, ударила в потолок. Я бегом рванул к лестнице, перепрыгивая через ступеньки, не глядя под ноги. Второй телохранитель бежал за мной, стреляя на ходу. Одна из них разорвала комбинезон на локте, а другая ударила в перила — щепки промелькнули перед глазами.

На первом этаже я выбил окно плечом, решительно выпрыгнул наружу, оказавшись в засохшем саду.

Повсюду были осколки стекла, часть из них торчала в комбинезоне. Я упал на бок, перекатился и ловко вскочил на ноги. Побежал к забору, почти не оглядываясь. За спиной — выстрелы, крики. Беркутов яростно кричал мне вслед. А я перемахнул через забор и нырнул в темноту прибрежных складов. Мой простой план провалился, ну это ничего. Беркутову не уйти. Я знаю, что нужно делать!

Адреналин кипел в крови. Я бежал, пока ноги не начали гудеть от усталости. Сердце бешено стучало.

Портовая зона Ферде встретила меня запахом рыбы, ледяной сырости и почему-то водорослей. Темнота стояла плотная, хоть глаз выколи, освещения почти не было. Я забился между контейнерами, переводя дух. Пистолет был пуст — теперь это и впрямь бесполезный кусок металла. Найти на него патроны здесь, в Норвегии, почти невозможно. Да и с другим оружием ситуация не лучше.

До утра подыскал более подходящее место, где и просидел несколько часов. Этот заброшенный сарай, что находился рядом со складским помещением, был достаточно неплох. Здесь было сухо, пусто и безопасно.

Ледяной дождь моросил все утро, холодный ветер выл, где-то вдалеке уныло лаяли собаки. Я неторопливо анализировал свои ошибки и думал о том, что Беркутов не должен ускользнуть из моих рук! А его планы предугадать неслож-

но!

У меня было весомое преимущество. Он не знал и не мог знать, что сломавшийся Свинцов сдал мне Гамбурга. Не знал, что у меня есть ниточка, которая ведёт к его связям с ЦРУ. А ведь он непременно ими воспользуется...

Я уснул под утро. Ненадолго, беспокойно. Приснился отец.

Он стоял на палубе, сжимая чемодан. Чемодан как будто бы тот самый, внутри которого был секретный прототип. Хотя я и был недоволен отцом, тем не менее понимал, что он все сделал правильно, утопив его в море. Сейчас никому нельзя доверять.

Проснулся я от громкого крика чаек. Те явно что-то разбушевались. Решил не терять времени и начинать действовать.

Звонить Хореву было бесполезно — официальная помощь не пришла бы, а неофициальная заняла бы слишком много времени. К тому же, когда это я просил помощь?

Решил работать сам. Как тогда, в Португалии. Как в Пакистане. Как всегда. Импровизация.

Следующие два дня я жил в порту. Спал в пустых трюмах, на грязных матрасах, воняющих рыбой и сыростью. Питался тем, что удавалось купить за оставшиеся кроны в забегаловке для докеров. Мылся холодной водой. Выглядел я, как бомж — грязный, в рваном полярном комбинезоне, с щети-

ной и красными глазами. Но это помогало — на меня не обращали внимания. Свои, портовые, бродяги.

Гамбург оказался невысоким, плотным немцем лет пятидесяти, с седой бородкой и бычьей шеей. Его звали Хайнц. Он ходил в кожаном пальто, без конца курил трубку. Глаза — маленькие, цепкие. Он появлялся в порту каждый день, проверял какие-то ящики, переговаривался с докерами, спорил с руководством порта.

Появился он на второй день моего дежурства — вышел из такси у бара, закурил, огляделся. Я стоял в тени контейнера, запоминал его лицо, походку, жесты — как поправляет воротник, как стряхивает пепел, как смотрит по сторонам. Все это мне поможет довести дело до конца и вернуться домой!

Вечером он встретился с каким-то человеком в тёмном костюме. Я не подошёл близко — только смотрел из укрытия, собирая как можно больше информации.

На третий день они встретились снова. Но теперь в другом баре.

Я понял, что момент настал.

Бар назывался «Последний викинг». Пахло деревом, дымом и дешёвым виски. Я зашёл через чёрный ход, прокрался мимо кухни. Нашёл подсобку, где бородатый парень в белой рубашке протирал стаканы. Подошёл сзади, зажал рот, приставил нож к горлу.

— Тихо, — прошипел я по-английски. — Жить хочешь?

— Хочу!

— Тогда мне нужна твоя одежда!

— А? — засуетился тот. — Чего?

Пришлось несильно ударить его рукоятью пистолета в затылок. Парень обмяк, едва не упал. Я оглушил его — несильно, но надолго. Связал, заткнул рот грязной тряпкой. Скинул грязный комбинезон, надел его белую рубашку и черную жилетку. Причесался. Вымыл лицо и руки.

В зеркале подсобки на меня смотрел другой человек. Как официант — так себе, но для портового бара сойдет.

Что же, будем ждать Гамбурга. Хорошо бы еще понять, как он выглядит!

Глава 3. Метод исключения

Настоящего официанта я связал покрепче, заткнул ему рот импровизированным кляпом из носового платка. Оттащил и спрятал за деревянные ящики с пустыми бутылками. По моим расчетам, бородатый официант придет в себя примерно через час, возможно, и раньше. Ничего, пусть полежит. Отдохнет немного.

Когда дело будет сделано и нужно будет уходить, я его освобожу. Но это не точно.

В общем, переодевшись, я вышел в общий зал. Вел себя так, будто всю жизнь провел в этом баре и только и делал, что репетировал. Конечно, исполнять обязанности официанта, не зная языка — это отдельная история, но меня это и не интересовало. Я лишь хотел свободно перемещаться по залу, не привлекая к себе лишнего внимания. Если где-то накосячу или не пойму, чего от меня хотят — легко списать на неопытность.

А место-то интересное, чего уж там. Черт возьми, в Союзе такого точно не увидишь, так как интерьер больше напоминал современные бары. Я по ним нечасто ходил, но пару раз побывать довелось, с размахом...

Здесь, буквально на каждом шагу, был грубый норвежский стиль с сильным преобладанием обожженного дерева, элементов декора на морскую тематику вроде сетей или

штурвалов, чучел рыб. Надписи, картины, фотографии в рамках. Все это создавало особую атмосферу, разительно отличающуюся от той, к которой я более-менее привык.

В зале былолюдно, хотя и не битком. Человек двадцать пять точно. Все потому, что у норвежцев по государственным меркам, походы в такие места – это хотя и интересно, но и весьма накладно по финансам. Другое дело – просто зайти и, опрокинув стопку-другую, уйти. Но у потомков викингов обычно дело двумя стопками не ограничивалось и попойки набирали обороты так, что особо буйных приходилось уводить. Насильно. Для этого как раз имелся большой, толстый и бородатый вышибала в джинсовом костюме.

Внутри было достаточно шумно, играла какая-то музыка, стиль которой мне был почти не знаком. И тем не менее это меланхолия, от которой хотелось выть. Контингент здесь собрался интересный: в основном рыбаки, нефтяники, портовые рабочие. Женщин тут почти не было. Освещение тусклое, мрачное, желтоватое. Пахло старым деревом, табаком, дешевым виски и еще чем-то сладковатым, смахивающим на карамель.

Как я и рассчитывал, никто не обращал на меня внимания. Новый официант — ну и что? Главное — не отсвечивать. Не привлекать взглядов. Да в целом, как я поглядел, я тут особо и не нужен — максимум пепельницы поменять и заменить пустые бутылки, на полные. Я незаметно встал у стойки, сразу за декоративным шкафом, сделал вид, что

протираю стаканы — их тут как раз было много. Глаза внимательно сканировали зал, цепляясь за известные мне предметы.

Гамбург должен был появиться сегодня вечером, но точного времени я не знал. Свинцов при допросе, вроде бы не врал. Он отдельно упоминал, что нужный мне человек — высокий, плотный, с небольшой седой бородкой. А ещё он постоянно курит. Запоминающаяся внешность из-за теплой кожаной куртки. Такого не спутаешь с обычным рыбаком.

Десять минут.

Двадцать. Час.

Я мысленно перебирал в голове собственный план, накиданный на ходу. Сначала нужно вычислить его, потом убедиться, что это, действительно, он и выяснить, есть ли у него охрана или оружие. Попробовать разыграть ситуацию, чтобы выйти с ним, например, через черный ход, где не будет лишних свидетелей.

И если все хорошо, то нужно брать его на выходе, если, конечно, представится такая возможность и рядом не будет представителей закона. Но точно не в зале, не при людях. Слишком рискованно. Норвегия — это вовсе не Ближний Восток. Это совсем другая страна, другие обычаи, которые мне не были знакомы. Ранее в таких условиях мне работать еще не доводилось. Здесь каждая перестрелка, каждая драка может иметь крайне серьезные последствия. Зависит от обстоятельств.

В зале добавилось еще человек пять. Но пока никто не подходил под имеющееся у меня описание. Слишком часто никто не курил, обладателя седой бороды с запоминающейся внешностью и в кожаной куртке я тоже пока не замечал. Начал слегка нервничать, но быстро взял себя в руки — Свинцов не должен был обмануть. Хотя, конечно, никаких гарантий не было — человек он скользкий. Вдруг просто его информация устарела? Вдруг Гамбург сменил место встречи? Или облик? Вдруг Беркутов уже переиграл меня?

Последнее — вряд ли. Беркутов наверняка понимает, что я без результата в Москву не вернусь. Стало быть — он на чеку. Но о том, что я знаю о его планах, он может только догадываться... впрочем, этот момент исключать пока нельзя!

Вдруг у меня за спиной раздался резкий, недовольный голос. Почти сразу же меня толкнули в плечо.

Я резко обернулся. К стойке подвалил пьяный, бородатый и то и дело икающий норвежец — краснолицый, в вязаном свитере, какой-то плотной куртке и местной шапке-ушанке. Глаза мутные, дыхание — сплошные этиловые пары. Перегаром разило за половину бара. Он смотрел на меня выпученными глазами, что-то говорил мне, недовольно размахивая руками, периодически тыкал в меня пальцем. Слюна летела во все стороны.

— Я не понимаю, — сказал я по-английски, стараясь говорить спокойно. — Я не говорю по-норвежски.

Он замер на мгновение. Затем покраснел ещё больше.

Принялся что-то орать, но я даже общего смысла не уловил.

Краем глаза заметил, что почти никому из посетителей нет дела до того, что этот бородастый алкаш поднял такой шум. Скорее всего, подобное поведение — в порядке вещей.

Я нахмурился, отмахнулся от него.

Но тут норвежец вдруг схватил меня за рукав и потащил на себя. Я мягко, но уверенно освободился.

— Угомонись или я угомону! — сказал я тихо, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Дверь там!

Тут он ткнул себя в грудь, потом в меня. Потом на дверь. Совершенно очевидно, что он знаками показал, что я должен выйти с ним на улицу. Зачем? Драться? Выяснять отношения с пьяным? У меня не было времени на эту ерунду. Но если я откажусь, он поднимет ещё больший шум — привлечет внимание. А судя по всему, драться для него — это нормальное дело. Викинг, твою мать!

— Ладно, — сказал я, стиснув зубы. Затем кивнул. — Выходим.

Мы вышли через черный ход в подворотню. Там было почти темно, лишь метрах в двадцати висел одинокий тусклый фонарь. Здесь воняло мусором, рыбой и плесенью. Вдали, через дорогу, горел ещё один фонарь, но от него не было никакого толку. Ветер завывал, гонял редкие снежинки.

Норвежец развернулся ко мне, сжал кулаки. Лицо его было перекошено злобой.

Он проорал что-то замысловатое, затем принялся закаты-

вать рукава на куртке, но из этого ничего не получилось — они падали обратно. Он плюнул и, пошатнувшись, шагнул ко мне. Размахнулся... как-то слишком медленно размахнулся.

Я легко ушел в сторону, перехватил его руку на подлете, резко заломил за спину, надавил. Он вскрикнул, но я не отпустил. Толкнул его лицом в стену — глухо клацнули зубы о кирпич.

Придавил коленом. Нанес короткий, но болезненный удар под ребра с левой стороны, отчего тот захрипел и выпучил глаза так, словно ему нечем было дышать. Впрочем, примерно так оно и было.

— Тихо, — сказал я все так же на английском, наклоняясь к самому его уху. — Я не хочу с тобой драться... не мешай мне, иначе что-нибудь тебе сломаю! Понял?

Он мычал что-то нечленораздельное, но сопротивляться почти перестал. Конечно, алкоголь у него в крови существенно притуплял болевые ощущения, но это не значило, что бородатому не было больно. Раз не понимал слова, пришлось объяснять через боль. В армии так же.

Я ослабил хватку. Он выпрямился, потер лицо, шатаясь, отошел на несколько шагов. Посмотрел на меня мутными глазами, и в них вдруг мелькнуло что-то похожее на страх. И уважение.

Он опять сказал что-то невнятное, но уже тише. По интонации было ясно, что других попыток напасть на меня он совершать не будет.

— Ну все, тогда свободен! — я указал ему на дверь черного хода.

Он почему-то усмехнулся, покачал головой, развернулся и пошел, но не к двери, а куда-то в темный проулок. Я проводил его внимательным взглядом. Перемещался он неторопливо, смешно покачиваясь. Вскоре норвежец исчез в темноте, разговаривая сам с собой.

Я покачал головой — времени все это заняло минут пять-шесть, не больше. Ситуация слегка выбила меня из намеченной колеи. Я поправил одежду, неторопливо вернулся в бар. По пути, по центральному коридору, прошла пожилая официантка, смерив меня быстрым, оценивающим взглядом, но ничего не сказала.

Вернувшись к стойке, я заметил на себе удивленные взгляды посетителей — видимо, норвежцы ожидали, что я либо не вернусь, либо вернусь «помятым». По-видимому, напившийся викинг частенько развлекался таким образом — искал объект, с которым можно подраться. В Союзе такие персонажи тоже встречались. Как выпьют, потом еще, потом чего-нибудь покрепче, а затем начинают искать приключения на задницу. Вероятно, обычно норвежец оставался победителем, к чему завсегдатаи бара уже привыкли. А тут произошла смена сюжета.

И тут я его увидел.

В дальнем углу, за столиком у окна, сидел человек. Он появился, пока меня не было. Кожаная куртка с меховым во-

ротником, седая борода, дымящаяся трубка в зубах. Мерно потягивал пиво, листал какую-то газету и периодически поглядывал на вход. Так, так! Кажется, это и есть Гамбург!

Я взял поднос, прошелся по залу, собрав пару пустых бутылок. Как бы случайно прошел и мимо его столика, делая вид, что ищу пепельницы, которые нужно заменить. Он поднял голову, посмотрел на меня каким-то непонятным взглядом. Взгляд скользнул по лицу, задержался на секунду — и я буквально почувствовал, что он меня запомнил. Просто профессионал всегда сканирует окружение. Привычка, от которой не избавиться.

Я отошел к стойке. Сердце колотилось. Надо было действовать аккуратно, не привлекать внимания.

Он кого-то ждал. Это было понятно и без лишних слов.

Я принял решение: ждать. Не подходить, не провоцировать. Пусть он сделает первый шаг.

Он по-прежнему продолжал сидеть, тянуть пиво. То и дело посматривал на часы. Примерно минут через пятнадцать газета перестала его интересовать. Он отложил ее в сторону, встал, бросил на стол несколько купюр и направился к выходу. Но не дошел. Свернул в тамбур и там остановился. Я не сразу сообразил, что здесь есть телефон и он решил кому-то позвонить.

Разговор длился недолго, минуты полторы. Затем Гамбург вышел оттуда, еще раз окинул зал внимательным взглядом. Я сразу же отвернулся, а когда посмотрел вновь, то по-

нял, что он покинул бар.

— Отлично, — пробормотал я себе под нос.

Я поставил поднос, снял жилетку, повесил ее на спинку стула. Проверил оружие — нож на месте. Огнестрельного оружия у меня не было и я не придумал, где им можно разжиться. Взял со стола бутылку — на случай, если придется оглушить.

Вышел на улицу.

Гамбург шел по хорошо освещенному тротуару, не оглядываясь. Спокойно, уверенно. Между нами расстояние примерно метров сорок. Я двинулся следом, держа дистанцию, но так, чтобы она постепенно сокращалась. Он дошел до перекрестка, повернул за угол. Я прибавил шаг.

Когда я зашел за угол, он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на меня. Дымящаяся трубка была в зубах.

— Что тебе от меня нужно? — тихо, но жестко спросил он, на почти идеальном английском языке.

— Мне нужна услуга! — быстро произнес я, мгновенно сменив тактику. Я держался так, чтобы не выглядеть как угроза.

Он удивленно поднял бровь. Скривился в ухмылке.

— Вот как? И какого же рода?

— Особая, — демонстративно осмотревшись по сторонам, тихо произнес я. — Мне нужно покинуть страну.

Он сжал губы, нахмурился. Сделал шаг назад.

— Ты ошибся. Ничем не могу помочь.

— Не ошибся, — сказал я, делая шаг к нему. — Ты Гамбург. Ты помогаешь людям переправляться через границу. И тебя порекомендовали. Беркутов. Знаешь такого?

Тот попытался выхватить пистолет из кармана куртки, но замешкался на секунду и я оказался быстрее. Перехватив его руку, я не дал ему возможности использовать пистолет. Короткий удар сверху и пистолет полетел на брусчатку. Кажется, это был немецкий Вальтер, вроде того, что ранее был и у Беркутова.

— А вот это лишнее! — процедил я. На мгновение мы встретились взглядами.

Он резко выбросил другую руку вперед — в ней был зажат маленький короткий нож. Но я был готов к подобному повороту — ушел влево, перехватил его запястье с ножом и резко вывернул. Тот попытался принять контрмеры, но не удержал равновесия. Я рывком потянул дальше, резко надавил. Хрустнуло.

Он вскрикнул. Задергался. Попытался подсесть мою ногу, чтобы мы оба упали, но получил жесткий удар локтем в грудь. Он как-то сразу обмяк, прекратил сопротивление. Я сразу же вырвал из его пальцев нож.

— Тихо, — меняя положение, сказал я. Затем заломив ему руку за спину, приподнял. — Не шуми.

— Ты кто такой? — прохрипел он, тяжело дыша от боли.

— Тот, кому нужна твоя помощь. И лучше бы тебе сотрудничать со мной! — его пистолет быстро оказался у меня

в кармане.

— Ты русский? — прохрипел он. — КГБ, что ли?

— Вопросы потом.

Я молча толкнул его в спину, повел обратно к бару. Благо, тут было совсем недалеко, а улица абсолютно пустой. Мы вернулись в тот проулок, где я дал отпор норвежцу. Там справа был вход в подвал, который не выглядел заброшенным. Я открыл дверь, заглянул внутрь и прислушался. Там было темно, тихо, воняло плесенью и сыростью. Я щелкнул выключателем, что был справа от входа. Внутри все осветилось мягким желтым светом.

Перед нами была каменная лестница, относительно чистая.

— Спускайся!

Тот молча двинулся вниз. Я за ним.

Подвальное помещение было большим, поделенным на секции. Все видимое пространство было заставлено разнокалиберными деревянными ящиками, особенно по углам.

— Сядь! — я указал на один из ящиков. Сам сел напротив.

— Итак... твой позывной я уже знаю. Имя?

— Ну, допустим, Хайнц!

— Хорошо. Хайнц, как я уже сказал... меня интересует твой клиент! — сказал я, присаживаясь напротив. — Беркутов!

Повисла тишина. Он молча смотрел на меня колючим

взглядом.

— Я не знаю никакого Беркутова, — наконец ответил он, глядя в сторону.

— Ты врешь, — я ударил его по лицу — не сильно, но чувствительно. Голова мотнулась, из губы потекла кровь. — Мой информатор назвал тебя. Гамбург. Ты работаешь на ЦРУ. Переправляешь людей. Я не хочу тебя убивать, но если ты не заговоришь, мне придется. Я понимаю, что тебе дорога репутация, но жизнь-то важнее. И здоровье тоже. Ты подумай над этим, только недолго. У меня времени мало.

Хайнц угрюмо молчал. Понимал, что его положение хреновое, но видимо, считал, что может поторговаться.

Я тяжело вздохнул. Медленно поднялся с ящика, подошел к нему. Шагнул за спину. Ухватил за шею и надавил на особые болевые точки, отчего немец закрипел зубами. Задержался.

— Не надо! — прохрипел он, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать. — Я скажу.

— Я весь внимание!

— Ты прав. Беркутов — мой клиент, он из Советского Союза. Какая-то важная персона, у которой появились проблемы, и потому он здесь.

— Когда у вас встреча? Куда он собрался? В Америку?

— Нет, не в Америку. Он намерен попасть в Италию, вернее, на Сицилию. Там у него убежище. Он уже оплатил первую часть моих услуг. Встреча с ним была двое суток на-

зад. Он должен ждать. Я еще готовлю документы. Это все, что я знаю.

— Когда у вас новая встреча?

— Завтра утром. В восемь. Он должен привезти вторую часть денег, а я скажу, что нужно делать дальше и каков будет следующий шаг.

— Где встреча?

— В порту. На складе номер семь.

Я задумался. Склад номер семь — я более-менее понимал, где именно он находится. Не зря же я два дня бродил по портовой зоне и окрестностям, запоминал каждый проход, каждое здание. Склад стоял в глубине, у небольшой открытой площадки. Вокруг — контейнеры, краны. С освещением в той части было плохо — почти везде темнота. Идеальное место для засады.

— Слушай сюда. Ты свяжешься с Беркутовым по телефону, — произнес я, посмотрев на часы. Было только девять двадцать две. — Скажешь, что встреча переносится. На сегодня, на одиннадцать часов. На том же месте, но не с северной стороны, а с южной!

— Это даже звучит странно. Он не поверит. Сразу же насторожится.

— Поверит, если ты скажешь, что за тобой следят и появилась небольшая проблема. Скажешь, что видел в порту молодого русского, который кого-то ищет!

Беркутов такую наживку точно не упустит. Его цель — по-

кончить со мной поскорее, ведь я для него проблема.

Хайнц покачал головой.

— Нет. Тогда он разорвет сделку! Он осторожен и вооружен. А клиенты не любят, когда мои проблемы становятся их проблемами! Меня могут устранить, как ненадежного человека! Ты понимаешь?

— Я могу сделать то же самое, только раньше, — сказал я спокойно, глядя ему в глаза, но при этом достав его же пистолет. — Прямо сейчас. Выбирай!

Он выбрал быстро — все было очевидно. Мы поднялись наверх, вошли внутрь бара. У телефона неожиданно образовалась целая очередь. Пришлось ждать.

Минут через семь все-таки удалось совершить звонок. Беркутов ответил. Они разговаривали на английском недолго — не прошло и минуты. Хайнц сказал все именно так, как я и хотел. К нему претензий не было.

— Он согласился! — произнес тот, когда положил трубку на место. — Хочет встретиться. Но на том же месте.

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь. — Теперь мы немного прогуляемся.

— Куда?

— На место встречи. У меня предчувствие, что Беркутов что-то затеял!

Тот не ответил. Только едва заметно кивнул.

Я без проблем вывел его из бара — мы никого не интересовали. Далее пешком двинулись в сторону набережной, где

были видны корабли и лодки. Было темно, но я сразу определил то место, где располагался склад номер семь. С момента звонка прошло минут тридцать.

Мы подошли ближе, стараясь держаться в тени.

У входа на склад было пусто, зато в прямой видимости, в проулке стояла черная машина, а рядом с ней терлись два подозрительных амбала в плащах. Это точно не рыбаки и не нефтяники!

Телохранители, получается? Или киллеры? Ну, это означает, что Беркутов клюнул. Как я и думал!

Глава 4. Звено в цепи

Собственно, план у меня был простой: использовать Хайнца как приманку.

Ведь Беркутов ему доверяет, раз уже оплатил часть его работы. Контакт между ними есть. Отсюда вывод простой: зачем подставляться мне самому, когда есть решение?!

Вообще, такие люди, как этот немец – по своей сути, вредители. Они только мешают восстанавливать справедливость и наказывать тех, кто этого, действительно, заслуживает. Их незаконная деятельность не приносит ничего хорошего государственной системе. Другое дело, если ты не виновен, но по воле судьбы приходится обращаться за такими услугами. И ведь подобное было во все времена.

Если Хайнца вдруг по какой-то причине не станет, никому хуже не будет. Семьи у него нет – это я выяснил в процессе следования к складу, да и сам он без постоянного гражданства. В Берлине и ряде других городов он в розыске. Хватит уже скакать туда-сюда, оказывать сомнительные услуги... Пусть послужит правому делу!

В общем, шутки закончились. Решение о ликвидации Беркутова было принято.

Никакого захвата и депортации обратно в СССР!

Однако здесь был тонкий момент. Беркутов хорошо понимает угрозу и знает, что я где-то рядом, а потому весь-

ма осторожен. Но вместе с тем он намерен поскорее покончить со мной, поскольку уже допустил две ошибки. Первая – заманить меня в Арктику. Зачем нужна эта была эта сложная многоходовка с очернением моей репутации, когда меня можно было просто шлепнуть прямо в Москве? Непонятно! Разве что чрезмерные амбиции самого Беркутова! Решил поиграть в бога? Он отчего-то думал, что очернение моей репутации будет простым, красивым и эффективным дополнением к моей же ликвидации, а сам он будет находиться в безопасности и только руководить.

Не вышло. Он меня недооценил.

Вторая его ошибка – ждать меня на явочной квартире в Фёрде, чтобы расставить точки, а потом ликвидировать. Опять не вышло. Сил не хватило, и честно говоря, для меня даже странно, почему он не задействовал больше людей?!

А теперь получается, что между нами развернулось настоящее противостояние. Я не знал расклад сил Беркутова, не знал его возможностей. Он не знал, где я и чего от меня ждать. То, что ранее я представлял его трусливым беглецом от советской системы, теперь казалось мне недоработкой. С моей же стороны. Он не бежал, он грамотно переместился туда, где у него уже было кое-что подготовлено и имелся какой-то план. И черт возьми, отчего у меня возникла уверенность, что в Фёрде у него есть достаточно серьезное убежище?

Да, Хайнца было не жалко. Это так, мелкий посредник

и исполнитель в одном флаконе. Человек, который за хорошие деньги перемещает всякий сброд, вроде Беркутова, туда, куда им нужно. Он мешает КГБ, другим службам союзных стран... А это нехорошо! Предателей, как ни крути, всегда ждет один и тот же сценарий. И моя цель – не исключение! Беркутов, несмотря на то, что чекисты в курсе, может рулить делами в Союзе даже отсюда!

Я решил действовать сегодня же. Не просто же так я приказал немцу оповестить Беркутова о смене времени для встречи. Нужен был повод, чтобы Беркутов заволновался. Немного накалить атмосферу, а заодно и проверить, какая будет реакция!

Так и вышло. Он с ходу отрядил сюда своих наемников, чтобы они прошерстили место встречи. Все проверить и обезопасить – ну, вдруг, коварный Громов что-то разнюхал и задумал покушение?!

Скорее всего, они уже проверили, тихо оцепили подходы к складу и теперь просто ждали.

Но проверили далеко не все. Одну точку они гарантированно пропустили. На крыше, под потолком.

Я рассчитывал сыграть на этом моменте, скрытно ударить тогда, когда он этого совсем не будет ждать. Но я ошибся.

Между настилом крыши и внутренним каркасом склада имелось достаточно много свободного пространства, скрытого от глаз. Надстройки, техническая зона, где размещались краны, двигатели, системы вентиляции.

Именно оттуда я и был намерен наблюдать, а при наступлении удачного момента совершить прицельный выстрел в Беркутова. Все просто – я хоть и чуть в стороне, но почти над ними, расстояние – метров пятнадцать. Даже из трофейного Вальтера попасть несложно. Пары выстрелов хватит.

Мне удалось пробраться на крышу незамеченным. Телохраниителей у Беркутова было много – насчитал семерых. Плюс ещё трое на дороге, что вела к складу.

Но только один из всей этой банды был толковым специалистом – видно, что свое дело он знал. Командовал, постоянно все держал на контроле. Однако самого Беркутова пока не видно. Скорее всего, он был в машине – черный пикап, «Тойота». Она стояла у въезда в склад, у северных ворот.

Я лежал на холодном железе, вжавшись в него всем телом, и смотрел в широкую щель между парапетом и стеной. Выл и свистел ветер, было неудобно. Мой комбинезон полярника, после одежды официанта казался скафандром, но тем не менее был весьма кстати. Снизу, через широкую щель, просматривалась половина складского помещения — пустые стеллажи, груды деревянных ящиков, усыпанный мелким мусором бетонный пол.

И Беркутов. Он, действительно, был в той машине. Надо же, быстро эта сволочь в Норвегии обосновалась. Охрану завел, машину. А в нашу прошлую встречу казалось, будто он вот-вот сломается. Казалось, что он отчаялся, взялся за бутылку. Актер, хренов!

Пока тот человек, что руководил охраной Беркутова, не дал добро, он так и сидел внутри. Я видел, как его начальник охраны осматривал склад, распределял позиции, оценивал риски и сектора обстрела. Меня он не заметил, да и попробуй каждую щель на огромном складе контролировать! Ночи не хватит!

Беркутов открыл дверь, выбрался наружу. Одет он был весьма странно, но я быстро понял почему. Пальто, накинутое на плечи было маскировкой – под ним, скорее всего, качественный бронежилет. Класс защиты – не ниже третьего. Толково, я со своим Вальтером тут много не навоюю. Разве что в голову, но это проблематично, учитывая плохое освещение.

Он был спокоен. Вел себя уверенно.

Я заметил, что часы у него на запястье светились зеленоватым — люминесцентные метки, что ли? Тритиевая краска, либо фосфор. Популярное решение, особенно в Европе. В СССР такие только начали завозить и то, не массово.

Хайнц вошёл со стороны южных ворот, как и договаривались. Я увидел его - все та же кожаная куртка, руки в карманах, естественно без оружия. Он шёл неторопливо, уверенно, но я чувствовал: немец напряжён и сильно нервничает. Ещё бы. Не каждый день тебя заставляют играть роль приманки, особенно после того, как я на него надавил.

— Хайнц, — голос Беркутова разнёсся по складу гулко, с металлическим эхом. Они говорили на английском. — Ты

пришел один?

— Один. Я всегда работаю один. Так надежнее.

Они встретились почти в центре. Расстояние между ними — метра два, не больше. Беркутов просто смотрел на немца, словно ждал, пока тот что-нибудь исполнит. Но Хайнц тоже не торопился начинать. Толково. Не собирался лебезить. Это добавляло правдоподобности, ситуация не казалась искусственной.

— Хорошо. Какие возникли проблемы?

— Я уже говорил... — до меня донесся резкий голос немца. — За мной следили. Русский. Молодой, подготовленный. Судя по всему, из КГБ или советской разведки. У меня нюх на таких, я их за версту чую. В порту его видели днём, опрашивал рыбаков. Вечером он увязался за мной, но я оторвался. Города он не знает так, как знаю его я. Позже я спрятался, сделал крюк, прежде чем идти сюда.

Беркутов сухо кивнул. Отошёл на шаг, повернулся боком. Я видел профиль — жёсткий, выточенный годами лжи и расчёта. Коварный человек, я его серьезно недооценил, когда без поддержки Хорева, сломя голову бросился в погоню из Архангельска.

— Ты его видел раньше?

— Нет, — Хайнц покачал головой.

— Дай мне точное описание!

— Я уже сказал. Высокий. Светлые волосы, коротко стрижен. Одет не по погоде — какой-то полярный комбинезон,

но он весь рваный. Держится как военный.

— Это точно он, — Беркутов вдруг усмехнулся. — Громов! Любопытно! Что же... спасибо за информацию, твои услуги больше не требуются!

Хайнц не успел ответить. Он вообще ничего не успел. Беркутов выхватил пистолет из кармана пальто и тут же выстрелил. Дважды.

Оба глухие, с характерным хлопком — пистолет с глушителем. Хайнц дёрнулся, схватился за грудь, упал на колени, потом на бок. Растянулся на бетоне, не дыша. Из-под тела медленно расплзлась тёмная лужа.

Беркутов опустил руку с пистолетом, повернулся к тёмному, плохо освещённому участку склада и громко произнес: — Петр, займись!

Подошёл начальник его охраны. Принялся раздавать указания:

— Уберите тело, все следы устранить. В порту бросить, как бродягу. У норвежцев не должно быть вопросов.

Из тени выступили еще двое. Коренастые, в одинаковых чёрных куртках, с укороченными автоматами за спиной. Серьезные ребята, по крайней мере, с виду. Но внешний вид ещё ни о чем не говорил.

Один подхватил Хайнца за воротник, другой за ноги. Они унесли его куда-то за ящики.

Я лежал на крыше и не дышал. Пальцы сжимали пистолет, от которого не было толку. Неудобный сектор обстрела, да и

сам я после первого же выстрела стану отличной мишенью. Нет, так не пойдет.

Беркутов замер посреди склада, поднял голову, посмотрел куда-то вверх, под потолок. И вдруг, неожиданно для меня, заговорил — громко, спокойно, с нотками веселья.

— Громов! Я знаю, ты где-то здесь! Даже не думай, тебе меня не переиграть! Я старый матерый волк, мальчик. Ты охотишься на того, кто сам долгие годы пробивался к власти, сшибая с ног тех, кто мне мешал. Я слежу за твоими успехами уже давно, знаю, как ты думаешь!

Я не шелохнулся. Обратившись в слух, я лежал и слушал.

— Хайнц был расходным материалом. С ним я и так собирался кончать. Думаешь, я не знал, что Свинцов про меня и мои планы все слил? Он слишком много знал и слишком много брал. Его система задушит. Он никто без меня. Но ты... приехал сам, в чужую страну, без документов, без поддержки. Что ты здесь можешь? Умереть? Так ведь и про это никто не узнает!

Он помолчал. Затем бросил взгляд на своего начальника охраны. Как я понял, его звали Петр. Тот жестом указал на стоящую неподалеку машину.

— У тебя нет оружия, Громов! — зачем-то продолжил Беркутов. — Ты голоден, у тебя нет денег. Негде жить. А у меня — люди, деньги, время. И начальник охраны, который таких солдат удачи, как ты, видит насквозь. Он служил там же, где и ты, пока не понял, что Родине он не нужен. А мне

нужен, я хорошо плачу.

Зачем он все это говорит? Показать, как у него все хорошо схвачено? Бахвалится тем, что он весь такой умный и предусмотрительный? Хм... это глупый поступок, наивный. Неужели Беркутов считает, что таким образом сможет меня как-то задеть? Или напугать?

Ну-ну... Калугин тоже так думал! Правда, он был труслив, а этот...

Время шло, Беркутов вернулся в машину, но пока никуда не уезжал. Его люди начали обходить склад повторно.

Нужно было срочно уносить ноги. Но только осторожно. Я начал медленно отползать назад. Железо чуть прогибалось под моим весом, но хотя бы не скрипело. Метр за метром, через несколько минут я покинул свою позицию и выбрался на покрытую старым снегом крышу. По ней добрался до дальней части, где спустился вниз по водосточной трубе на противоположную сторону склада. Здесь не было людей Беркутова.

Приземлился в небольшой сугроб, прислушался. Беркутов остался внутри — отсюда ничего не слышно.

Нужно было выждать немного.

Выводы были простые: Беркутов не боялся меня. А я не боялся его. Мы были хищниками одного веса, просто он играл на своём поле, а я пришёл на чужое. Он знал, что я здесь. Я знал, что он ждёт. Вопрос был только в том, кто ошибётся первым.

Я не собирался ошибаться. Уже дважды все пошло не так, как я планировал.

Двое суток я жил в порту, как тень. Спал в старом, заброшенном доме, на краю города. Такие, оказывается, тоже были. Подрабатывал в порту на разгрузке, чтобы было что есть и пить.

Нормально, бывало и хуже.

Я не торопился. Беркутов никуда не уйдёт. У меня присутствовало стойкое мнение, что он обосновался здесь, в Фёрде, снял виллу, нанял охрану, завел обслугу. Он ждал.

И добраться до него будет непросто. Особенно с учётом того, что его начальник охраны и впрямь толковый.

Помимо выживания, нужно было решать, что делать дальше. Раз Беркутова не взять стандартными методами, придётся переходить к диверсионной деятельности. А это непросто. Но кое-какой план у меня уже был.

С вечера следующего дня я залёг на крыше соседнего портового склада, откуда просматривалась вся дорога к восточным причалам и площадка перед складом номер семь.

Чёрная «Тойота» с тонированными стёклами, что была у склада ночью, затем появилась снова, уехала в сторону центра города. Я переоделся в местную одежду, честно одолжив ее у кого-то из местных жителей – она просто сушилась во дворе, никто за ней не следил. Теперь я более-менее выглядел как человек, а не сумасшедший бездомный полярник.

Убедившись, что машина снова уезжает, я незаметно двинулся за ней, держась за двести метров — достаточно, чтобы не потерять, но и не спалиться. К слову сказать, теперь у меня была и машина — взял ее на краю города, у какого-то пенсионера, который на ней не ездил. Он, правда, настолько стар, что даже не был в курсе, что у машины «выросли ноги». Старая развалюха, вся скрипучая, но неприметная и на ходу. А это главное.

А потом я всё-таки увидел Беркутова. В городе, у одного из ресторанов. Теперь его возили на каком-то черном Мерседесе. Модель не новая, но все равно солидно. Ферде — город не такой уж и большой, жителей тут тысяч на двадцать в лучшем случае. Надо же, сколько же денег Беркутов прикарманил в Союзе, раз здесь швырялся ими направо и налево?

«Мерседес» отъехал от ресторана, прошёл через центр, свернул на уже знакомый мне Хафстадвеген, остановился почти в самом конце улицы, у высоких каменных ворот. Судя по тому, что я увидел — это вилла. Небольшая, но двухэтажная, из тёмного кирпича, с черепичной крышей и узкими окнами. Забор кованый, поверху декоративные штыри — просто так не перелезешь. У ворот уже знакомая мне тойота, а рядом с ней коренастый мужчина в теплом пальто и шапке. Его я узнал сразу.

Это Пётр. Начальник охраны.

Я запомнил его, он чем-то напоминал стервятника. Стоял неподвижно, как памятник. Ни одного лишнего движения.

Все держал на контроле, все делал спокойно и размеренно. Профессионал. Из тех, кто не бьёт в лоб, а ждёт, выцеливает, убивает тогда, когда этого не ждёшь. Пожалуй, этот будет опаснее, чем обезвреженный мной в бункере майор Горин.

Все так же не привлекая внимания, я свернул в следующий переулок, достал мятую карту. Отметил эту виллу крестиком. Позднее, когда стемнело, я дважды обошёл квартал. Сзади небольшая, но крутая скала, не подобраться. Слева — жилые дома попроще, все жались друг к другу, словно бы земля под строительство заканчивалась. Справа — узкий проезд к хозяйственному двору. Чёрный ход. Там тоже был охранник.

До глубокой ночи я наблюдал с разных точек обзора, периодически меняя позицию. Все было тихо. А вот утром, около шести тридцати, из калитки вышел мужчина в серой куртке — невысокий, сутулый, с большой хозяйственной сумкой. Сел в старый седан неизвестной мне модели и уехал. Вернулся через час, судя по всему, с продуктами. Это что, прислуга?

Ещё дважды я видел его рядом с виллой. То он протирал машину, потом чистил снег. Расплачивался за доставку каких-то сумок. За его работой следил либо сам Петр, либо кто-то из его ребят.

Я также заметил момент, когда недовольный Беркутов в гневе замахнулся на него, когда тот что-то сделал. Или не сделал.

Что же, это наблюдение и вошло в основу моего дерзкого плана по ликвидации товарища Беркутова!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.